

Часть 7: В супружеской постели не стоит вспоминать о греках.

Дорога до дома была, как пешком до Греции, последние шаги Лью ШуШон прошел, опираясь на бойфренда.

В ванной комнате Лью ЛиДжон начал разматывать саш на Лью ШуШоне. Лью ШуШон непонимающе смотрел на его руки, что такое с ним делают, а потом, видимо, в знак протеста, в одежде, обрушился задницей прямо в бадью с холодной водой.

(Лью ЛиДжон:) - Шушон!

Он поднял его лицо за подбородок. Зрачки Лью ШуШона были расширены так, что глаза были полностью обсидиановыми, как космическая пустота. Без всяких признаков сознания.

(Лью ЛиДжон:) - Шушон!

Лью ЛиДжон вытянул приятеля из одежды, в которой он искупался, и, сам мокрый с головы до пят, потащил его, голого, наверх. У него было сильное желание вернуться на пристань и задушить греческого мудака Феогнида, но он боялся оставить Лью ШуШона. Он лег рядом со старшим мужчиной, пристроил сгиб тела на его холодные ягодицы и обнял покрепче.

- Шушон, - тихо позвал он снова. - ЧиЧи, ты меня не слышишь?

Лью ШуШон согрелся и засопел. После периода одурманенного состояния он, похоже, глубоко заснул. Лью ЛиДжон ерзал за его голым телом и не мог устроиться. Спине было холодно.

- Чичи, - снова позвал он безрезультатно. - Чичи!

Лью ЛиДжон перелез через любимого и попробовал обнять себя им, но Лью ШуШон плохо за него держался и норовил отвалиться на спину. После непродолжительной возни, на которую старший мужчина никак не реагировал, Лью ЛиДжон уселся в постели.

(Лью ЛиДжон:) - Чичи, ты совсем меня не слышишь? Эй!

Он запустил пальцы в волосы любимого, погладил голову и потаскал жесткие пряди. Ответа не последовало.

(Лью ЛиДжон:) - Скажи мне что-нибудь.

(Лью ШуШон:) - ...

(Лью ЛиДжон:) - Посмотри на меня.

(Лью ШуШон:) - ...

(Лью ЛиДжон:) - Я сейчас пойду выкину всю твою редиску... если ты не все еще сожрал.

(Лью ШуШон:) - ...

Лью ЛиДжон уселся босиком на полу на корточках, посмотрел немного на мертвецки спящего Лью ШуШона и ткнулся носом несколько раз ему в щеку.

(Лью ШуШон:) - ...

Лью ЛиДжон поднес нос к полуоткрытому рту другого мужчины. Дыхание Лью ШуШона пахло вином попеременно с его обычным теплым запахом, похожим на то, как пахнет корка на свежем хлебе. Оба запаха действовали возбуждающе.

Лью ЛиДжон нежно поцеловал бесчувственному мужчине нижнюю губу. Потом - верхнюю. Потом обозвал его скотиной и сердито укусил за нижнюю губу. Потом - за верхнюю. Лью ШуШон оставался равнодушен, зато сам Лью ЛиДжон доигрался: внутри у него запорхали здоровенные, мускулистые, сексуально озабоченные бабочки, которые, по всей видимости, развлекались там вовсю, - в отличие от Лью ЛиДжона.

Он поцеловал Лью ШуШону смуглые грудные выпуклости, пощекотал зубами соски, подышал на них, но Лью ШуШон не выказал к нему никакого интереса. На голубых глазах ненаглядного мальчика выступили слеза обиды и одиночества.

Он снова лег позади своего друга, подул ему в загривок и много раз поцеловал в шею в разных местах.

- Медвежонок, - позвал он, прижавшись лицом к обнаженной мускулистой спине и щекоча ее губами, пока говорил. - Ты меня совсем больше не любишь?

Даже это не подействовало.

- Вот сволочь, - снова рассвирепел Лью ЛиДжон. - Просыпайся, мудила!.. У тебя спячка что ли началась уже, у ёбаного медвежонка?!

Он дернул Лью ШуШона за ухо. Пару раз сильно укусил. Вытащил из-под его головы подушку и кинул ее далеко в угол.

- Чичи, мне холодно, - жалобно сказал Лью ЛиДжон. - И страшно, - добавил он слабым голосом, послав к чертям остатки гордости. - Я кушать хочу. И трахаться!

Лью ШуШон, наконец, зашевелился: он положил ладони под щеку и начал храпеть. ШонШон с ладошками под щечкой - этого зрелища Лью ЛиДжон вынести не мог. Он глубоко вдохнул, как перед прыжком со скалы, и произнес одно слово, которое его так и подмывало сказать, пока возлюбленный не слышит:

(Лью ЛиДжон:) - Сян Гун. Муженёк...

Слово произвело немедленное и необратимое действие: внутри разлилось предательское тепло, ягодицы и живот стянуло от вождения. Лью ЛиДжон покорился неизбежному.

Он, с несчастным лицом, едва переводя дыхание, откинул одеяло и погладил спину старшего мужчины. Он прижался к ней грудью и лбом, переливая избыток своего тепла в тело рядом. Обхватил ладонями скульптурные ягодицы, любовно помял их и никак не мог оторвать от них руки, хотя надо было встать с кровати. Он пошел в угол за подушкой и сунул ее под ШуШона. Потом сгрел все белье, которое было на постели и скомкал под ним там, где был сгиб тела. Достал флакон с гвоздичным маслом и налил себе в сложенную чашкой руку. А потом медленно и ласково, сгорая от желания, раздвинул Лью ШуШону ягодицы.

Жить ему оставалось какую-то пару часов.

Неторопливые сильные пальцы, пробиравшиеся между спутанных прядей, разбудили его утром.

- Ни у как оно было? - поинтересовался Лью ШуШон, притягивая голову молодого любовника за волосы.

Лью ЛиДжон прятал лицо в матрасе. Он чувствовал, как колени сидящего рядом Лью ШуШона греют его бедро.

(Лью ШуШон, пытаюсь разобрать бормотание младшего:) - Я не слышу, что ты говоришь.

(Лью ЛиДжон, не очень внятно:) - Ты совсем не помнишь?

(Лью ШуШон:) - Мм, не помню... Хочешь еще?

Лью ЛиДжон решился посмотреть через плечо на старшего друга. Он с сомнением оглядел объемы его левой дельтовидной мышцы и бицепса.

(Лью ЛиДжон, робко:) - Не особенно.

(Лью ШуШон, мягко, не отпуская волос бойфренда:) - Почему? Я тебе не нравлюсь?

(Лью ЛиДжон:) - Ты же мужик!

(Лью ШуШон, вопросительно поднимая брови, не ожидал такого поворота:) - ...?

(Лью ЛиДжон:) - Я имею в виду...

(Лью ШуШон:) - ...?

(Лью ЛиДжон:) - Когда я вижу твои мускулистые ягодицы,.. я хочу тебя.

(Лью ШуШон:) - Ну?

(Лью ЛиДжон:) - Не в том смысле!

(Лью ШуШон:) - Хочешь - как? Типа духовного общения?

(Лью ЛиДжон:) - Нет! у меня другая картина в голове. Твоя твердая задница - я вижу, как она двигается, когда ты мне вдуваешь. И я, блядь, я уже увидел!.. Ты знаешь, какая у тебя красивая задница?

- Главное, что ты знаешь, - с добродушной иронией ответил Лью ШуШон.

Он, распространяя запах гвоздики, перенес одно колено через Лью ЛиДжона и Лью ЛиДжон теперь чувствовал, что его задняя часть зажата в теплых бедрах любовника. Чувство было родным и успокаивающим. ШуШон, кажется, не сердился. Он был невозмутим.

(Лью ШуШон, задумчиво поглаживая Лью ЛиДжону поясницу:) - Жалко, что я все пропустил.

(Лью ЛиДжон, сам слышит в своем голосе заискивающие нотки:) - У тебя ничего не болит?

(Лью ШуШон:) - Все нормально.

(Лью ЛиДжон, торопясь объяснить:) - ШонШон, ты не знаешь, сколько я тебя звал! Мне было одиноко, а ты меня бросил... Там стоял этот сраный грек и ждал меня. И некому было защитить. И ты был такой равнодушный...

Ой. Наверно, не надо было сейчас напоминать про грека. У Лью ЛиДжона за спиной настала полная тишина. Ему хотелось повернуть голову и посмотреть, что там происходит, но отчего-то он боялся, хотя там был только ШуШон, его ШоШо, лелеявший своего драгоценного мальчика всю жизнь. Лью ЛиДжону вдруг показалось, что прятаться в матрасе было ошибкой... Ощущение было такое, что его интимные части выставлены на горе ДаШань и открыты всем ветрам и ураганам мира.

Он почувствовал губы своего возлюбленного, как они вкрадчиво, как первые лучи солнышка, коснулись его ягодицы. Еще одно касание... Лью ШуШон вцепился зубами ему в зад, так что кожа затрещала. Потом последовал еще поцелуй, совсем не такой легкий, как предыдущие...

Задняя часть Лью ЛиДжона была покрыта синяками, засосами и укусами, Лью ШуШон не успокоился, пока не пометил ягодицы, бедра, поясницу, бока, коленные сгибы, внутреннюю сторону ног.

Из глаз Лью ЛиДжона лились слезы, но сопротивляться было бесполезно: когда он пытался приподняться, могучая рука толкала его в спину и он врезался рожей в матрас.

Лью ЛиДжону предстояло получить и за грека, и за несколько часов Лью ШуШонова бессилия, и за то, что могло случиться с ненаглядным мальчиком, пока дяди не было рядом,.. не говоря о том, что этот маленький подонок вытворял с дядей, пока тот был в отключке. Ему предстояло искупить все грехи мира.

Философски настроенный обозреватель мог бы усмотреть в происходящем некоторую несправедливость и нелогичность, но обоим мужчинам на кровати нелогичность происходящего была по хрену.

Как оказалось, Лью ШуШон успевал не только целовать и кусаться, пока измывался над задницей молодого любовника. На разделительную линию нижней части спины Лью ЛиДжона обрушилась струя семени, затекая между ног и на яйца. Лью ШуШон широко развел ему ягодицы, неторопливо и внимательно втирая свою сперму внутрь заветного отверстия. Как Лью ЛиДжон понял, масла сегодня ему не полагалось...

Искусанный, напряженный, он с особой отчетливостью чувствовал движения пальцев другого мужчины внутри себя, и там, где они задевали самое чувствительное место, вместо приятного тепла рождались яростные всплески удовольствия, тонувшие в судорогах, сводивших плечи и колени Лью ЛиДжона, и заставлявших его бедра крутиться в поисках спасения от слишком сильных ощущений.

Лью ШуШон поднял его за подбрюшье, как соломенную куклу. Его новой эрекции хватило на то, чтобы втиснуть в любовника начало члена. Лью ШуШон, прижавшись к младшему мужчине, задержался, дотянулся губами до плеча... и укусил его до крови. Горловина рубашки врезалась Лью ЛиДжону в горло, полотно натянулось, раздался треск, рубашка превратилась в

лохмотья, валяющиеся под ним на кровати.

Прижатая к внутренним стенкам, головка детородного органа при каждом шевелении Лью ШуШона снова запускала конвульсии в теле Лью ЛиДжона. С его конца капала млечная прозрачная жидкость, но у него никак не получалось расслабиться, чтобы дать выход оргазму.

Когда тесное, горячее, любимое пространство приняло член Лью ШуШона, он инстинктивно напрягся и увеличился, чтобы полностью его заполнить и никому больше не оставить там места. Никогда! Размыкая до предела ягодицы бойфренда, чтобы глубже войти в него, и одновременно удерживая его, чтобы не уполз, Лью ШуШон подался назад и могучим рывком безжалостно послал чресла вперед.

Его пенис входил с такой скоростью, что внутренности не успевали дать ему дорогу и, одновременно, ожесточенно натирал нежную область над промежностью. Лью ЛиДжон заорал от боли, но тут конвульсии, наконец, слились в один большой взрыв и он кончил так обильно, что остатки рубахи под ним промокли насквозь. Трение и доходившие до горла таранящие толчки внутри него и не думали прекращаться.

Если бы кто-нибудь услышал их, он бы подумал,.. ну да, он бы подумал, что кого-то насилуют. Так бы он и подумал.

Лью ЛиДжон понял, что все закончилось, только когда старший мужчина подсунул под него руки, приподнял и зарылся лицом в затылок... Когда Лью ШуШон через долгое время отпустил его, младший мужчина, обессиленный от истязаний и трех оргазмов с трудом поднял тело, переполз к нему и влез в объятье. И там затих, положив потную голову на грудь самого желанного в мире человека.

Лью ШуШон целовал дорожки от слез у него на лице и вытирал их щеками. И слизал подтек крови, выбегавший из укуса на плече.

- Ты нарычался? - с усталым выдохом спросил Лью ЛиДжон. - Территорию пометил?

Вместо ответа возлюбленный упрямо и молча вцепился зубами ему в плечо. Извиняться он не собирался.

(Лью ЛиДжон:) - А, сука, выбрал больное место!

Гроза, исчерпав свой запас ливней и молний, уходила за горы. Последний раскат грома донесся издалека и затих.

Лью ШуШон крепко прижался лбом к виску Лью ЛиДжона.

"Я так тебя люблю," - сказал он.

Лью ЛиДжон молчал.

(Лью ЛиДжон, жестко:) - И правильно делаешь.

(Лью ЛиДжон, мягко:) - Я тебя люблю.

Ведь для этого и нужна любовь - чтобы, когда он бесится от бессилия и ревности, и весь мир против него, и ему хочется разнести все в клочья, он разнес бы тебя - и ты был бы счастлив. Для них обоих было так. А иначе... чего она стоит, ваша любовь?

(Лью ЛиДжон:) - В вине что-то было.

(Лью ШуШон:) - Опиум.

(Лью ЛиДжон:) - Что?! Я убью его.

(Лью ШуШон:) - Нет уж, не хватало только, чтобы тебя опять арестовали. Из-за этой больной сволочи. Надо выслать его из города, чтобы ноги его больше здесь не было. Мы в городском совете что-нибудь придумаем.

"Он отравить тебя хотел!" - ясные глаза Лью ЛиДжона были полны обиды и желания отомстить греку. "Он назвал тебя Парфеноном!" - глаза Лью ШуШона были не менее обиженными и суровыми.

(Лью ЛиДжон:) - Сегодня ты ничего в совете придумывать не будешь. Сегодня ты наказан, сидишь дома и думаешь о своем некрасивом поведении.

(Лью ШуШон, бурчит под нос:) - Кто бы говорил...

Молодой мужчина задрал лицо вверх, чтобы Лью ШуШон посмотрел на него и внимательно послушал.

(Лью ЛиДжон:) - ШонШон, ты понимаешь, что мне не два года, а двадцать пять? Я не беру конфеток у незнакомых дядей и я могу очень сильно врезать? Ты в девятнадцать лет уже был главой семьи и растил двоих детей. Вспомни.

Он хотел успокоить старшего друга, унять его неразумные родительские страхи. Лью ШуШон опустив растрепанную голову, вылизывал ему искусанную шею и очень напоминал маму-кошку. Унимать страхи было бесполезно. ДжоДжо до старости останется его Сяо Бао*.

(Лью ЛиДжон:) - А вот интересно... Как бы ты ко мне относился, если бы не знал меня с самого

моего рождения? Если бы мы познакомились взрослыми... в поэтическом кружке, например...

* Сяо Бао (кит.) - маленькое сокровище, любимая деточка

Господа читатели, если вам нравится повесть, не забудьте поставить лайк, это доброе дело, вам на небесах зачтется. Или напишите комментарий. Ваши похвала и критика заставляют мир вращаться.

Отдельная благодарность сознательным читателям - за лайки на главной странице проекта, именно по ним считается рейтинг работы на сайте.

<http://bllate.org/book/17829/1697108>